

DOI: 10.52311/2079-3359_2022_5_260

Ближневосточные модели политики идентичности

Сургуладзе Вахтанг Шотович,

докторант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», кандидат философских наук.

Рецензия на книгу: Ближний Восток : Политика и идентичность / Под ред. И.Д. Звягельской. М. : Аспект Пресс, 2020. 336 с.

Цитирование: Сургуладзе В.Ш. Ближневосточные модели политики идентичности // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 5 (74). С. 260–277.

Middle Eastern Models of Identity Policy

Vakhtang Sh. Surguladze,

Doctoral Student at the Department of Political Science, the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of Russian Federation, Leading Expert of the «S.T.C.» Analytical Group, Candidate of Philosophical Sciences.

Book Review: The Middle East : Politics and Identity / Edited by I.D. Zvyagelskaya. M. : Aspect Press, 2020. 336 p.

Citation: Surguladze V.Sh. Middle Eastern Models of Identity Policy // National Strategy Issues. 2022. No. 5 (74). P. 260–277.

Ключевые слова | Keywords

Ближний Восток

модели политики идентичности

идентитарный детерминизм

Middle East

models of identity politics

identitarian determinism

Институтом мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН) издана коллективная монография «Ближний Восток: политика и идентичность», вышедшая под редакцией доктора исторических наук руководителя Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН И. Д. Звягельской¹.

В 2011–2012 гг. под редакцией руководителя Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН И. С. Семеновко был выпущен в свет двухтомник «Политическая идентичность и политика идентичности»², а в 2017 г. – энциклопедия «Идентичность: личность, общество, политика»³. Учитывая большое внимание, на протяжении многих лет уделявшееся научным коллективом ИМЭМО РАН проблематике комплексного изучения идентичности, монография может рассматриваться в качестве нового важного этапа исследования данного тематического направления, примера плодотворного развития, логического продолжения, расширения и углубления темы, перехода от общетеоретического уровня постижения идентичности до практического политологического анализа конкретных страновых моделей реализации политики идентичности.

Идентитарный анализ внешней и внутренней политики

В фокусе внимания исследования находится комплексное освещение идентитарных, идейно-политических факторов, влияющих на внутри- и внешнеполитическое поведение ближневосточных стран. Авторы монографии рассматривают идентичность и обуславливающие её ценности в качестве важнейших детерминант политических процессов наряду с военной мощью и экономическим потенциалом.

Учёные анализируют семь государств: Турцию, Иран, Израиль, Саудовскую Аравию, Сирию, Ливан и Египет⁴. Отдельные главы

¹ Авторский коллектив издания: А.С. Богачёва, А.А. Давыдов, И.Д. Звягельская, И.Э. Ибрагимов, Т.А. Карасова, Н.А. Кожанов, Г.Г. Косач, В.А. Кузнецов, С.О. Лазовский, В.М. Морозов, В.А. Надеин-Раевский, В.В. Наумкин, Л.М. Самарская, И.А. Свищунова, И.С. Семеновко, Н.Ю. Сурков, Т.И. Тюкаева.

² Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Семеновко. М.: Рос. полит. энцикл., 2011–2012.

³ Идентичность: Личность, общество, политика: Энцикл. изд. / Отв. ред. И.С. Семеновко. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.

⁴ Глава 10. Турция: идеология versus традиционные идентичности. С. 159–170; Глава 15. Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику.

посвящены воздействию на эволюцию идентичности стран Ближнего Востока внешних акторов – Европейского союза и Соединённых Штатов⁵. Собственно модели политической идентичности представлены в четвёртом разделе книги⁶.

Особый интерес на фоне становления нового полицентричного мирового порядка вызывает глава об экономическом измерении идентичности, поскольку в условиях кризиса либерализма и упадка консолидированного могущества коллективного Запада знакомство с альтернативными взглядами на экономическую жизнь может стать плодотворным источником для выработки современных подходов к социально-экономическому и политическому развитию деглобализирующегося мира⁷. В обстоятельствах повсеместного запроса на социальную справедливость этические нормы хозяйственной жизни, принятые в исламе, могут быть политически востребованными.

Благодаря широте охвата, вниманию к конкретным примерам реализации политики идентичности странами региона как во внутри-, так и во внешнеполитической сфере книга является полезным энциклопедическим изданием, путеводителем по моделям нациестроительства, дающим наглядное представление о вариантах самопозиционирования современных государств и эволюции идеологических концепций ближневосточных политических режимов.

Авторы справедливо отмечают высокий методологический потенциал концепта идентичности при анализе региональных процессов, позволяющий устанавливать субъективные причины объективных явлений как на индивидуальном, так и на коллективном

С. 217–227; Глава 17. Иран: в поисках своего места в международных отношениях. С. 235–243; Глава 12. Израиль: симбиоз светской идеологии и религиозного дискурса. С. 177–187; Глава 18. Израиль: внешняя политика и этнорелигиозный фактор. С. 244–248; Глава 4. Саудовская Аравия: этнорелигиозный национализм. С. 71–76; Глава 16. Саудовская Аравия: мантра об исключительности. С. 228–234; Глава 11. Сирия: патриотическая идентичность как лекарство от конфессионализма. С. 171–176; Глава 13. Ливан: надломленный конфессионализм. С. 188–196; Глава 3. От потомков фараонов к египтянам. С. 56–70.

⁵ Раздел VIII. Продвижение западных политических моделей на Ближний Восток. С. 275–309; Глава 21. «Продвижение демократии» США – концепция и практика. С. 277–292; Глава 22. Европейский опыт – политика ЕС. С. 293–309.

⁶ Раздел IV. Модели политической идентичности. С. 157–196.

⁷ Раздел V. Идентичность и экономика. С. 197–214; Глава 14. Исламская экономическая модель. С. 199–214.

уровне психологии, определять мотивы индивидуального и массового поведения, поскольку, как отмечается в издании, «концепт идентичности позволяет синтезировать ценностные, эмоциональные и мотивированные интересами и потребностями основания социальной деятельности, зафиксировать состояние и отразить динамику представлений человека о своём месте в мире и о своём “я” и соединить индивидуальный и надывдивидуальный уровни социального опыта»⁸.

Учитывая значительный массив научной и публицистической литературы, посвящённой феномену идентичности, а также сложное переплетение структурных составляющих данного понятия, взаимообусловленного как индивидуальным, так и коллективным измерением её переживания и восприятия, уместно представить дефиницию, которой придерживается авторский коллектив монографии: «Идентичность – особое измерение общественной жизни, затрагивающее самовосприятие и самопозиционирование отдельных социально-политических групп или целых государств, определяющее модели их поведения во внутренних делах и на международной арене. Её формирование происходит под влиянием взаимодействия с другими субъектами общения, опытом положительного сотрудничества либо конфронтации, определением себя через других. <...> Стержневое положение феномена идентичности в структуре социальных институтов делает её... отдельным самостоятельным фактором, воздействующим на жизнь общества. <...> Через идентичность субъекты выстраивают вокруг себя... систему отношений, включая и международные связи, в частности выбор союзников или врагов»⁹.

Авторы считают ориентиры политической идентичности граждан и сообществ *основой стабильности политических режимов, ресурсом общественного развития*¹⁰, поскольку развитая национальная идентичность (в гражданско-правовом понимании) является мощным инструментом активизации социальной поддержки власти и политической мобилизации людей в целях реализации как внутренней, так и внешней политики.

⁸ Предисловие // Ближний Восток: Политика и идентичность. С. 7.

⁹ Там же. С. 10. Отмеченный авторами стержневой характер идентичности выводит на новый уровень логику методологии исследования, занимавшую умы учёных со времён Античности. Так, сократо-платоновской интеллектуальной традиции была свойственна убеждённость в действенности формулы «познаешь себя – познаешь других; познаешь других – познаешь общество».

¹⁰ Там же. С. 9.

Эксперты ИМЭМО РАН справедливо подчёркивают невозможность выдвигания универсальной объяснительной модели, характеризующей идентитарные мотивы участников политических процессов¹¹, в связи с чем предпринятое в монографии определение моделей политики идентичности опирается на анализ ценностного содержания идентичности конкретных обществ.

Рассмотрение данного феномена в страновом культурно-историческом контексте позволяет выявить причины выбора моделей поведения как на индивидуальном, так и на коллективном и государственном уровнях. Авторы выделяют два основных долгосрочных тренда, свойственных идентитарным процессам в государствах Ближневосточного региона: во-первых, усиление светского национализма после Второй мировой войны и, во-вторых, политизацию ислама как реакцию на нарастание западного идеологического давления¹².

Несомненный интерес вызывают попытки исследователей установить соотношение и иерархию идентичностей представителей обществ Ближнего Востока, в частности место различных форм пан-идентичностей, среди которых эксперты выделяют пантюркизм, панарабизм, неоосманизм, общеисламизм¹³. Останавливаются авторы монографии и на феномене «нации без государства» на примере развития курдской идентичности и борьбы палестинцев за политическое самоопределение¹⁴; на процессах политизации этничности и религии; проблемах идентитарных конфликтов в глубоко разделённых обществах; на проявлениях имперских аспектов национальной идентичности¹⁵. Рассматривая конкретные страновые модели идентичности, эксперты освещают вопросы символической, культурной¹⁶, языковой и исторической политики в целом, воздействия

¹¹ Предисловие // Ближний Восток: Политика и идентичность. С. 7.

¹² Введение // Ближний Восток: Политика и идентичность. С. 12.

¹³ См., напр.: Панориентализм, панарабизм и общевосточная самоидентификация. С. 60–64.

¹⁴ Раздел III. Национальная идентичность: после или до создания государства? С. 109–156; Глава 7. Израиль: новое государство – новая нация. С. 111–125; Глава 8. Палестина и палестинцы: отечество и сообщество. С. 126–142; Глава 9. Курды: этничность versus национальная идентичность. С. 143–156.

¹⁵ Раздел II. От империи к национальному государству. С. 77–108; Глава 5. Опыт Турецкой Республики. С. 79–93; Глава 6. Исламская Республика Иран: итоги долгого пути. С. 94–108.

¹⁶ См.: Глава 1. Идентичность, культурные символы и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. С. 19–38.

идентичности на внутреннюю и внешнюю¹⁷ политику, возможную реализацию её конфликтного потенциала¹⁸.

В издании отмечается такая особенность ближневосточных моделей идентичности, как незрелость национализма в формах, классические образцы которых представлены западными национальными государствами (nation states), сложившимися под влиянием особого политического опыта и содействовавшими возникновению соответствующего научного дискурса, не совсем адекватного в реалиях во многом архаичных и более традиционных обществ стран Ближнего Востока¹⁹. По мнению российских учёных, специфика исторического развития региона привела к незавершённости процесса формирования ближневосточных национальных государств (в особенности арабского мира), отличающихся слабыми институтами и традиционными этноконфессиональными ценностями, продолжающими оставаться фундаментом мировоззрения местных обществ²⁰.

Исторически сложившиеся страхи, обусловленные опытом геополитического положения и столкновения с окружающими народами, приводят к тому, что при принятии политических решений ближневосточные элиты часто руководствуются не рациональными соображениями, а эмоциями, готовы к быстрой и не всегда оправданной эскалации международной напряжённости²¹.

Авторы отмечают кризисный характер взаимоотношений государств Ближнего Востока с Соединёнными Штатами, агрессивно навязываемые ультралиберальные ценности, образ жизни и массовая культура которых в традиционных обществах региона рассматриваются в качестве прямо оскорбительных и неприемлемых²².

¹⁷ Раздел VI. Самопозиционирование государств: региональный и международный аспекты. С. 215–248; Глава 15. Турция: влияние политической идентичности на внешнюю политику. С. 217–227; Глава 16. Саудовская Аравия: мантра об исключительности. С. 228–234; Глава 17. Иран: в поисках своего места в международных отношениях. С. 235–243; Глава 18. Израиль: внешняя политика и этнорелигиозный фактор. С. 244–248.

¹⁸ Раздел VII. Идентичности в конфликтах. С. 249–274; Глава 19. Динамика ближневосточных конфликтов. С. 250–264; Глава 20. Негосударственные вооружённые акторы в конфликтах на Ближнем Востоке. С. 265–274.

¹⁹ См., напр.: Раздел I. Национальное государство и национальная идентичность. С. 39–76. Особенно: Глава 2. Проблемы формирования и развития национальной идентичности в арабском мире. С. 41–55.

²⁰ Заключение // Ближний Восток: Политика и идентичность. С. 310.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 311.

Наличие фактора племенной лояльности, расширенных семейных и клановых связей, разнообразных групп солидарности делает многие привнесённые с Запада формальные структуры социально-политической организации не соответствующими сложившимся представлениям об их месте и значении в общественной жизни.

Монография позволяет переосмыслить практические вопросы региональных особенностей принятия политических решений и международных отношений не через привычную и доминирующую западноцентричную «оптику» светского гражданского национализма, а сквозь призму существующих социокультурных реалий незападных обществ. Их опыт в текущий период истории особенно важен, поскольку мир вступает в эпоху утраты коллективным Западом глобального политического доминирования, что актуализирует задачи выстраивания международных отношений на базе взаимного изучения, понимания и уважения представителей разных цивилизаций и культур.

Глобальный контекст изучения идентичности: ультралиберальные подходы западной науки vs формирующаяся российская школа

Поставленные в коллективной монографии ИМЭМО РАН вопросы и методология их решения находятся в русле наблюдаемого на протяжении последних десятилетий усиливающегося тренда «психологизации» политической науки. Наиболее яркое проявление этой тенденции – внимание к концепту идентичности, дающее основание говорить о формирующемся *идентитарном детерминизме*, по аналогии с экономическим детерминизмом, характерным, например, для марксистского исторического материализма, и географическим детерминизмом, представленным разнообразными направлениями геополитических исследований.

Анализ политических процессов, а также мотивов принятия политических решений через призму идентичности сегодня применяется повсеместно – как на микроуровне изучения закономерностей политического лидерства, так и на макроуровне поведения государств. Идентитарная, или идентитарно-аксиологическая (идентитарно-ценностная), методология политологических изысканий присуща, в частности, таким серьёзным авторам, как Самюэль Хантингтон²³,

²³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.; *Он же*. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.; Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед.

Генри Киссинджер²⁴ и Джордж Фридман²⁵, используется при изучении самых разных социально-политических процессов, включая проблематику современных войн и вооружённых конфликтов²⁶.

Однако нагляднее всего *идентитарный детерминизм* в западной науке проявляется в коллективных, зачастую регулярно обновляемых и переиздаваемых серийных тематических изданиях энциклопедического типа – «хендбуках» (handbook)²⁷ и «компаниях» (companion)²⁸, среди которых наибольшей известностью пользуются руководства издательств SAGE²⁹, Routledge³⁰, Palgrave

(МШПИ), 2002. 320 с.; Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. 380 с.

²⁴ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.; Он же. О Китае. М.: АСТ, 2015. 640 с.; Он же. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с. См. также: Сургүладзе В.Ш. Поиск баланса: мировой порядок в контексте геополитики, идеологии и коллективной психологии // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1 (34). С. 241–246; Он же. Внешнеполитическая стратегия Китая в прошлом и настоящем: уроки для России // Там же. 2016. № 5 (38). С. 249–259.

²⁵ Фридман Дж. «Горячие» точки: Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.; Сургүладзе В.Ш. Геополитическое прогнозирование и «горячие точки» самосознания: тенденции развития мира глазами основателя «Stratfor» // Междунар. жизнь. 2017. № 4. С. 183–191.

²⁶ См., напр.: Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 416 с.; Сургүладзе В.Ш. «Сетевые», «гибридные», «новые»: современные войны и политика идентичности в эпоху глобализации // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 241–249.

²⁷ См., напр.: Handbook of Ethnic Conflict: International Perspectives / Ed. by D. Landis, R.D. Albert. N.Y.: Springer, 2012. XL + 647 p.; Handbook of Identity Theory and Research: 2 vol. / Ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. N.Y.: Springer, 2011. 1040 p.; Handbook of Individual Differences in Social Behavior / Ed. by M.R. Leary, R.H. Hoyle. N.Y.: The Guilford Press, 2009. XVI + 624 p.; Handbook of Narratology / Ed. by P. Hühn, J. Pier, W. Schmid, J. Schönert. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. X + 468 p.; Handbook of Political Communication Research / Ed. by L.L. Kaid. L.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. XVIII + 541 p.

²⁸ См., напр.: The Routledge Companion to Identity and Consumption / Ed. by A.A. Ruvio, R.W. Belk. N.Y.: Routledge, 2013. XXIV + 418 p.; The Routledge Companion to Trust / Ed. by R.H. Searle, A.-M.I. Nienaber, S.B. Sitkin. N.Y.: Routledge, 2018. XXXII + 588 p.; The Routledge International Handbook of Discrimination, Prejudice and Stereotyping / Ed. by C. Tileagă, M. Augoustinos, K. Durrheim. N.Y.: Routledge, 2022. XIV + 318 p.

²⁹ См., напр.: The SAGE Handbook of Media and Migration / Ed. by K. Smets, K. Leurs, M. Georgiou, S. Witteborn, R. Cajjala. L.: SAGE Publications, 2020. LXII + 638 p.; The SAGE Handbook of Propaganda / Ed. by P. Baines, N. O'Shaughnessy, N. Snow. L.: SAGE Publications, 2020. XL + 612 p.

³⁰ См., напр.: Routledge Handbook of Identity Studies / Ed. by A. Elliott. N.Y.: Routledge, 2011. XXIV + 407 p.; The Routledge Handbook of Arabic and Identity / Ed. by

MacMillan³¹, Оксфордского и Кембриджского университетов³², позволяющие не только искать квалифицированную информацию по конкретным отраслям знаний, но и сформировать общее представление о состоянии исследуемой темы (state of the art). В определённом смысле эти справочные издания являются доктринальными, поскольку содержат консолидированное выражение мнений авторитетных научных учреждений и экспертных центров.

Монография «Ближний Восток: политика и идентичность» по своему характеру и логике изложения материала близка именно к указанному справочно-энциклопедическому формату, в связи с этим хочется надеяться, что данная работа будет дополняться, актуализироваться и переиздаваться. Принимая во внимание объективные сложности развития социального и гуманитарного знания в Российской Федерации, обусловленные как недостаточным финансированием, так и отсутствием уникальных возможностей западных, прежде всего англосаксонских, научно-исследовательских и издательских конгломератов, базирующихся на транснациональных связях, доминировании в глобальном научном обмене и издательском деле английского языка, дающих масштабный кумулятивный эффект, каждое российское системное исследование сложных социально-политических процессов можно только приветствовать.

Учитывая происходящее в настоящее время обострение международной обстановки и интенсификацию глобального информационного противоборства в идеологической сфере, подобные труды

R. Bassiouney, K. Walters. N.Y.: Routledge, 2021. XIV + 278 p.; The Routledge Handbook of Language and Politics / Ed. by R. Wodak, B. Forchtner. N.Y.: Routledge, 2018. XXII + 716 p.

³¹ См., напр.: The Palgrave Handbook of Ethnicity / Ed. by S. Ratuva. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. XXIX + 2044 p.; The Palgrave Handbook of Global Political Psychology / Ed. by P. Nesbitt-Larking, C. Kinnvall, T. Capelos, H. Dekker. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. XIX + 475 p.

³² См., напр.: The Oxford Handbook of Political Psychology / Ed. by D.O. Sears, L. Huddy, J.S. Levy. N.Y.: Oxford University Press, 2003. X + 822 p.; Handbook of Language and Ethnic Identity / Ed. by J.A. Fishman, O. García. N.Y.: Oxford University Press, 1999. XII + 468 p.; The Oxford Handbook of Multicultural Identity / Ed. by V. Benet-Martinez, Y.-Y. Hong. N.Y.: Oxford University Press, 2014. XVI + 543 p.; The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1008 p.; The Oxford Handbook of the Self / Ed. by S. Gallagher. N.Y.: Oxford University Press, 2011. XII + 745 p.; The Cambridge Handbook of Identity / Ed. by M. Bamberg, C. Demuth, M. Watzlawik. N.Y.: Cambridge University Press, 2022. XVIII + 651 p.; Handbook of Communication in the Public Sphere / Ed. by R. Wodak, V. Koller. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. XX + 462 p.

обретают исключительную актуальность. Значение разработки идентитарной проблематики российскими учёными тем более важно в контексте наблюдающейся свехидеологизации социальных и гуманитарных наук в странах коллективного Запада, в которых, несмотря на имеющиеся уникальные возможности для научной деятельности, отмечаются всё более гипертрофированные тенденции к рассмотрению социально-политических процессов с точки зрения специфически понимаемых либеральных ценностей – с позиции изучения идентичности разнообразных меньшинств, девиантных моделей поведения и политизированной повестки научных изысканий³³.

Обилие существующих на коллективном Западе направлений идентитарных исследований представляет некоторый интерес, в связи с чем можно было бы пойти путём перевода наиболее авторитетных и соответствующих задачам социального и политического развития российского общества справочно-энциклопедических трудов. Однако возрастающая идеологизация западной науки и агрессивное противопоставление либеральной ценностной повестки этическим системам незападных обществ делают этот путь не только менее перспективным, но и опасным, поскольку предлагаемая зарубежными школами парадигма чревата подрывом социокультурного, гуманитарного и научного суверенитета. Указанные обстоятельства диктуют необходимость развития отечественной науки, ориентированной на разработку тем, отвечающих целям обеспечения национальных интересов и национальной безопасности Российской Федерации.

Учитывая сказанное, развивающаяся в ИМЭМО РАН российская школа идентитарных исследований представляет исключительную ценность. Важно, чтобы отечественное экспертное сообщество продолжило изучение данной проблематики в страновом контексте – на уровне как отдельных государств, так и регионов мира, политических альянсов и экономических объединений, поскольку указанная

³³ См., напр.: *Routledge Handbook of Critical Studies in Whiteness* / Ed. by S. Hunter, Ch. van der Westhuizen. N.Y.: Routledge, 2022. XXVI + 387 p.; *Betancourt R. Byzantine Intersectionality: Sexuality, Gender, and Race in the Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press, 2020. XIV + 274 p.; *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.: Routledge, 2002. XXXIV + 221 p.; *Gender and Sexuality in Muslim Cultures* / Ed. by G. Ozyegin. Farnham: Ashgate Publishing, 2015. XVI + 392 p.; *Gender, Memory, and Identity in the Roman World* / Ed. by J. Rantala. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. 328 p.; *Handbook on Gender in World Politics* / Ed. by J. Steans, D. Tepe-Belfrage. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. XXVI + 486 p.

работа имеет не только научное, но и сугубо практическое значение, содействуя ориентации экспертного сообщества, бизнеса и государственных структур на взаимоотношения с обществами и странами западного мира, так как в условиях беспрецедентных санкций, военно-политического и информационно-идеологического давления, оказываемого на Российскую Федерацию, выстраивание многосторонних и разнообразных связей с этой частью международного сообщества становится насущной необходимостью российской внешней политики.

Внешиполитический контекст: потенциал антизападного сближения на почве традиционных идентичностей

Обострение международной обстановки, в значительной степени обусловленное агрессивным навязыванием коллективным Западом чуждой большей части человечества ультралиберальной ценностной повестки, заставляет задуматься о перспективах сближения государств, общества которых отличаются более традиционными ценностными ориентирами. На фоне практики попражнения веками складывавшихся представлений о человеческом достоинстве, демонстрируемой массовой культурой, политикой идентичности и идеологически мотивированными тематическими направлениями научных разработок западных государств, западные общества обретають перспективы нахождения точек идентитарного идейно-политического соприкосновения. Степень практической религиозности в регионах мира сильно отличается, однако при яростном насаждении диктата меньшинств на коллективном Западе даже не очень религиозные, но вовлечённые в культурно-конфессиональный контекст общества объективно ближе друг другу по своим убеждениям и ценностям, нежели представители США и Европы. Традиционные религии, прежде всего ислам и христианство, представляют в таких условиях этический фундамент, на базе которого может быть организована борьба за сохранение западными странами культурного и гуманитарного суверенитета, национальной безопасности и собственно идентичности, основанной на традиционных ценностях.

В контексте наблюдающихся усилий коллективного Запада, ориентированных на расширение сети военно-политических альянсов, направленных против Российской Федерации и Китайской Народной Республики, выступающих в современных международных отношениях гарантами соблюдения фундаментальных принципов

Организации Объединённых Наций³⁴ и международного права, особенно важно искать идейно-политические опорные точки, способствующие формированию своеобразного *международного альянса традиционалистов*, ценностно-идеологической базой которого могут послужить защита семьи, материнства и детства, противодействие навязыванию и пропаганде девиантных форм идентичности, поведения и культуры. В данной связи уместно отметить, что *в недалёком прошлом проблемы самоидентификации и кризиса идентичности лечили, поскольку преодоление внутренних противоречий личности считалось задачей психологов и психиатров.*

С легализацией «гендерного многообразия», происходящей в государствах, придерживающихся крайних форм культурного либерализма, отклонения позиционируются как норма, поддерживаются фармацевтической индустрией, медиагигантами, политическим мейнстримом и западным по происхождению транснациональным

³⁴ О последовательной позиции Российской Федерации и КНР, ориентированной на защиту принципов невмешательства во внутренние дела суверенных государств и недопустимости односторонних внешнеполитических действий, наносящих ущерб их национальной безопасности, см., напр.: Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля 1997 года // Электронный фонд правовых и норм.-техн. документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155>; Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30 июня 2005 года // Президент России. Офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660>; Совместная декларация КНР и РФ по основным международным вопросам (полный текст). 23 мая 2008 года // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Офиц. сайт. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/xwtd/t459410.htm>; Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 4 февраля 2022 года // Президент России. Офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 16.08.2022). О России и КНР как ключевых игроках, защищающих принципы международного права, базирующиеся на уважении суверенитета и сложившихся в каждом обществе традиций, см., напр., работу Антеи Робертс: *The Significance of Changing Geopolitical Power; China and Russia's Joint Declaration on International Law* // *Roberts A. Is International Law International?* N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 282–299. См. также: 3.3. Внешнеполитическое измерение угроз национальной безопасности в ценностной сфере // *Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности. Трёхчастная модель государственной политики: ценностный суверенитет, опорные точки идентичности, деятельностная концепция нации.* М.: Аналит. группа «С.Т.К.», 2022. С. 290–339 (особенно: Россия и Китай на страже принципов международного права. С. 321–339).

бизнесом. Агрессивная пропаганда ультралиберализма, затронувшая всю иерархическую вертикаль идентичности, начиная с отдельной личности и заканчивая социумом, государством и альянсами государств, вызывает нарастающее возмущение и культурный протест представителей традиционных обществ. *В указанных условиях фактического противопоставления Запада всему незападному миру этика традиционных религий и ценностей выступает принципиальным фактором внешнеполитического сближения.*

Важная особенность изданной учёными ИМЭМО РАН монографии состоит в понимании сущностного, сквозного характера концепта идентичности в его практическом воплощении на индивидуальном и коллективном уровнях. Книга представляет масштабную картину региона мира, где доминируют традиционные ценностные установки. Государства, социокультурным трансформациям которых посвящена работа российских исследователей, доказывают факт усиливающейся *идеологической самоизоляции коллективного Запада от подавляющего большинства населения планеты.*

В условиях неослабевающего стремления глобального продвижения «единственно верных» западных нарративов осознание цивилизационного многообразия и политического плюрализма в современном мире, наличия в каждом обществе исторически сложившихся ценностей и норм поведения – приоритетная задача на пути выстраивания многополярного мирового порядка и права каждого общества и государства на самостоятельное развитие и защиту информационного и культурного суверенитета.

Авторы монографии «Ближний Восток: политика и идентичность» продемонстрировали впечатляющий комплекс из противоречий, борьбы за идеологическое доминирование и обусловленных столкновением идентичностей конфликтов, многие годы сотрясающих данный регион. Тем не менее, несмотря на объективные факты многочисленных противоречий на более высоком уровне международного взаимодействия, есть основания предполагать, что наличие общетрадиционных ценностных установок в определённых обстоятельствах будет содействовать внешнеполитическим альянсам, которые могут иметь ситуативный, временный характер, однако отвечать национальным интересам участников.

На фоне необходимости сдерживания деструктивной деятельности коллективного Запада, направленной на дестабилизацию политических режимов и подрыв социально-экономического благополучия незападного мира, общезначимая идейно-политическая ценностная повестка обладает мощным потенциалом практической

реализации на почве поиска и развития точек соприкосновения, связанных со сближающими народы традиционными представлениями о социальных и моральных нормах.

Г. Киссинджер предложил когда-то формулу мирового порядка, в соответствии с которой *порядок = власть + легитимность*³⁵. Сегодня коллективный Запад совершенно утратил способность к объективному восприятию легитимности. Более того, западные эксперты и политики много лет сознательно пытаются заменить право правилами, искусственно разделять и противопоставлять легитимность законности³⁶, изобретая собственные интерпретации допустимого и недопустимого в международных отношениях³⁷. Между тем без легитимности, т.е. без признания населением мирового порядка справедливым, равноправным, оправданным, власть и сила

³⁵ Киссинджер Г. Мировой порядок. С. 476.

³⁶ Например, при бомбардировках НАТО Югославии выдвигался тезис о том, что они были «незаконными, но легитимными» (illegal but legitimate): «незаконными» – в силу отсутствия санкции Совета Безопасности ООН, но «легитимными» и «необходимыми», поскольку были связаны с насущной потребностью предотвращения гуманитарной катастрофы. См.: The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned. The Independent International Commission on Kosovo. N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 4, 186. Данный тезис был зафиксирован в докладе Независимой международной комиссии по Косово, созданной по инициативе правительства Швеции, которая по странному стечению обстоятельств в основном включала представителей государств – членов НАТО. Один из её членов, правовед и «правозащитник» Ричард Фальк, впоследствии стал соавтором работы, в задачи которой входило идеологическое обоснование разницы между законностью и легитимностью. См.: Legality and Legitimacy in Global Affairs / Ed. by R. Falk, M. Juergensmeyer, V. Popovski. N.Y.: Oxford University Press, 2012. VIII + 460 p. Ср.: Popovski V., Turner N. Legality and Legitimacy in International Order // Policy Brief / United Nations University. 2008. No. 5. 8 p. Ср.: попытки объяснения действий НАТО: Daalder I.H., O'Hanlon M.E. Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo. Washington: Brookings Institution Press, 2000. XIV + 343 p. Особенно: UN authorization for intervention is highly desirable, even if it is not required // Ibid. P. 218–219. Иво Даалдер – американский дипломат, занимавший должности постоянного представителя Соединённых Штатов при НАТО, члена Совета национальной безопасности США. Не только в теории, но и на практике он способствовал продвижению и реализации доктрины «ответственность по защите», позволяющей обосновывать подмену международного права ситуативно вводимыми «правилами».

³⁷ О механизмах извращения международного права представителями коллективного Запада и попытках подменить его собственными «правилами» см., напр.: Лавров С. О праве, правах и правилах // Коммерсантъ. 2021. 28 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877702> (дата обращения: 16.08.2022).

воспринимаются как преступное принуждение, а значит, закономерно вызывают отторжение. Удивительно в связи с этим то обстоятельство, что именно коллективный Запад, годами разрабатывавший и внедрявший в политическую практику разнообразные модели «мягкого» и «умного» манипулирования массовым сознанием, базирующегося на приемлемом (воспринимавшемся справедливым и легитимным) позиционировании «жестких» проявлений власти, сейчас прибегает к неприкрытому незаконному и нелегитимному идеологическому диктату.

Уникальными преимуществами Российской Федерации, в отличие от агрессивной непримиримости коллективного Запада, являются неидеологизированность внешнеполитической повестки, уважение суверенитета иностранных государств и многонациональный и многоконфессиональный состав населения, благодаря которому российскому политическому истеблишменту значительно проще находить общий язык с представителями разных культур и цивилизаций. Учитывая сказанное, сравнивая примерный баланс сил на международной арене, исходя из предложенной Г. Киссинджером формулы, можно утверждать, что глобальный показатель соотношения власти и легитимности складывается в пользу России, а не возглавляемого Соединёнными Штатами конгломерата государств «золотого миллиарда».

Идеологическая ангажированность давно сделала США «необязательной страной». Представление о ненадёжности и недоговороспособности Соединённых Штатов усилилось вслед за чередой цветных революций, в частности после сдачи на милость ближневосточного «креативного класса» такого верного союзника, каким был Хосни Мубарак. Примечательно, что в воспоминаниях Хиллари Клинтон, посвящённых пребыванию на посту главы американской внешней политики, кроме описания координации действий Государственного департамента с цифровыми гигантами в деле организации революции Facebook, рефреном проходит сожаление по поводу предательства верного союзника Х. Мубарака³⁸, осуществлённого в связи

³⁸ См.: Клинтон Х.Р. Тяжёлые времена. М.: Эксмо, 2016. С. 395, 400, 402, 408, 410–411, 417–418, 420–424, 426, 428, 582–583, 588, 593, 596. Ср. с ситуацией в Тунисе при Бен Али: Там же. С. 426, 428. См. также: *Сургуладзе В.Ш.* Хиллари Клинтон о гибридной дипломатии и «умной силе» США // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1 (46). С. 240–249; *Гоним В.* Революция 2.0: Документальный роман. СПб.: Лениздат; Команда А, 2012. 352 с.; *Сургуладзе В.Ш.* Методология «демократических» переворотов: египетский пример // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 5 (32). С. 260–267.

со сложившейся в США внутривнутриполитической конъюнктурой, – Барак Обама не мог допустить, чтобы революционное брожение Египта плохо отразилось на его репутации «борца за демократию» среди мессиански настроенных избирателей.

Стремление американского истеблишмента поддерживать свержение лояльных автократических режимов (в принципе характерное для вильсонизма) отмечалось экспертами и раньше. Например, Вали Наср отнёс бурную поддержку американскими средствами массовой информации и общественным мнением свержения шаха Ирана Резы Пехлеви к традиции американской политической культуры симпатизировать любой дестабилизации «автократий», не принимая в расчёт дружественные двусторонние отношения и существующие политические обязательства³⁹. Однако, несмотря на обоснованные констатации экспертами преемственных черт внешнеполитического курса США на ближневосточном направлении, сложно избавиться от ощущения, что степень идеологизации американской внешней политики нарастает пропорционально снижению общего международного влияния и деградации политических элит, представители которых, сформировавшись в момент однополярного доминирования Соединённых Штатов, уже не в состоянии адекватно воспринимать окружающую действительность, разучились полагаться на дипломатические инструменты решения международных проблем и продвижения собственных национальных интересов⁴⁰.

Наиболее очевидно указанные реалии внешней политики проявились во время посещения Джозефом Байденом Саудовской Аравии в июле 2022 г., в ходе которого американский президент выступил в Джидде перед широкой аудиторией лидеров Ближнего Востока

³⁹ Наср В. Необязательная страна. М.: АСТ, 2015. 448 с.; Сургуладзе В.Ш. Стратегические тупики ближневосточного направления внешней политики США и отрицательный баланс «мягкой силы» Америки в регионе // *Международ. жизнь*. 2017. № 10. С. 145–152.

⁴⁰ О явной тенденции полагаться прежде всего на диктат и «жесткую силу» см., напр., воспоминания профессионального дипломата, бывшего американского посла в Российской Федерации, с марта 2021 г. директора ЦРУ Уильяма Бёрнса: *Бёрнс У. Невидимая сила: Как работает американская дипломатия*. М.: Альпина Паблишер, 2020. 688 с. Несмотря на претенциозное название книги, ассоциативно намекающее на преемственную связь между «невидимой силой», под которой подразумевается американская дипломатия, и «жесткими», «мягкими» и «умными» формами влияния, классифицированными Джозефом Наем, значительная её часть посвящена констатации необходимости реанимации роли американской дипломатии во внешней политике.

на саммите Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В целом визит показал несостоятельность внешней политики США в регионе, неспособность поддерживать даже формально приличный и приемлемый для принимающей стороны стиль поведения⁴¹.

Подобная практика не всегда мешает решению обоюдно значимых вопросов, но не предполагает способности быть государством-лидером, противоположна моральному авторитету и желанию сотрудничества, таким образом отсекая претензии на то, что Соединённые Штаты в состоянии возглавлять весь мир. Американские эксперты и дипломаты (даже Х. Клинтон) не раз отмечали тот факт, что социально-экономические реалии незападных обществ не предусматривают возможности проведения демократических реформ и принятия культурной вестернизации, однако на практике выступают заложниками агрессивной ультралиберальной идеологической международной повестки, которая перечёркивает любые научные обоснования, предлагаемые для выработки прагматичной внешней политики.

При существенных социокультурных различиях и столкновениях идентичностей лучший способ избежать противоречий и решить стоящие перед всеми важные вопросы – сосредоточиться на взаимоприемлемых ценностях, а не акцентировать разногласия. Однако современный курс коллективного Запада ориентирован именно на раскол и заострение различий. На этом фоне внешняя политика Китая и России выделяется сугубым прагматизмом и вызывает значительно большее понимание, нежели поведение государств, постоянно увязывающих любые двусторонние контакты с надуманной проблематикой ценностей западного общества потребления и обширным перечнем реформ во всех сферах жизни общества – от прав человека до функционирования социально-экономических институтов.

Коллективная монография ИМЭМО РАН «Ближний Восток: политика и идентичность» представляет научно обоснованное подтверждение того факта, что сбалансированная внешняя политика должна строиться на принципах взаимного уважения и невмешательства в вопросы, имеющие важнейшее значение для национального самосознания и иных форм идентификации участников международных отношений. Издание даёт богатый материал для изучения моделей

⁴¹ Резчиков А. Почему Байден не сумел настроить саудитов против России // Planet Today. 2022. 17 июля. URL: <https://planet-today.ru/geopolitika/item/147825-pochemu-bajden-ne-sumel-nastroit-sauditov-protiv-rossii> (дата обращения: 17.08.2022).

идентичности, который может быть полезен для специалистов в области международных, межнациональных и межконфессиональных отношений, социальной психологии, конфликтологии, национальной информационной и культурной политики.

* *
*

Отгородившийся от России железным занавесом Запад поспособствовал наступлению новой эры международных отношений, когда на повестку дня встал вопрос выстраивания независимых от него внешнеполитических союзов, основанных на равноправии, взаимном уважении и невмешательстве во внутренние дела государств. Возмутительные обстоятельства, связанные с международным соглашением о вывозе украинского зерна, подписанным под предлогом помощи нуждающимся странам, которому предшествовала антиросийская информационная кампания западных государств, доказали, что альянс Европейского союза и США ни во что не ставит национальные интересы и нужды остального мира⁴². Такое положение заставляет вспомнить о глобальной роли Советского Союза в качестве лидера стран третьего мира, даёт основания полагать, что у Российской Федерации достаточно международного авторитета, военных, экономических и политических ресурсов, чтобы снова занять лидирующие позиции на данном направлении. Для этого необходимо поддерживать и развивать складывающиеся традиции российских регионалистики и страноведения, отличным примером которых служит изданная ИМЭМО РАН монография.

⁴² Путин предложил пересмотреть зерновую сделку. Главное // Известия. 2022. 7 сентября. URL: <https://iz.ru/1391732/2022-09-07/putin-predlozhil-peresmotret-zernovuiu-sdelku-glavnoe> (дата обращения: 26.09.2022).